

К РАСПРОСТРАНЕНИЮ И ПРОИСХОЖДЕНИЮ ТОПОНИМОВ
С ЭЛЕМЕНТАМИ *HATŠA* И *AHO*

Топонимы (названия населённых пунктов и урочищ) с элементом *гатч* (*хач*, *гаж*) образуют относительно узкий ареал, тянущийся от Приладожья до Белозерья и Онеги. Это названия о. *Гатчи* на Ладожском оз. к югу от устья Олонки (ныне *Гача* или *Гачь*) [Озерецковский 1812: 96], дер. *Варбагажи* на о. Мантсинсаари на севере Ладожского оз. [Озерецковский 1812: 84], дер. *Гажалицы* (кар. *Hatšal*) на Олонке [Сп.1928], дер. *Малая Гажа* Важенского погоста [ПКОП: 88], местность *Папунгача* в Шуйском погосте [ПКОП: 117], села *Хачела* (*Хачала*) на Онеге [АСМ: 34, 175], дер. *Шелохачь* на Чагодоце (Устюженский р-н Вологодск. обл.), зал. *Рандогач* в Белозерье [Матвеев 2004: 62].

Пока за недоказанностью или спорностью мы вынуждены оставить в стороне ряд названий, принадлежащих более южным местностям: *Гатча* на северо-западе Белоруссии, *Гатчина* Ленинградской обл. (вопрос особый [Шилов 1995]), *Гатчино* в верховьях Зап. Двины (в 1136 г. – *Хотшина*), *Хачин* на Селигере и др.²⁰ Наряду с этими небесспорными случаями, к южному флангу “явного” *гатч*-ареала примыкают названия на *хотч*-, в некоторых из которых можно видеть результат славянского освоения чудских (здесь мы забегаем вперёд) топонимов на *hatš*-: *Хотца* – пр. Рапли, пр. Пчевжи, пр. пр. Волхова, *Хотча* – пр. Волги близ г. Кимры, *Хотца* – пр. Москвы, *Хотца* – пр. Клязьмы (невозможно видеть в гидронимах личное имя *Хотша*, *Хотча* в именительном падеже),

---

²⁰ Отметим, впрочем, что география “расширенного” ареала в западной его части в значительной степени совпадает с ареалом топонимов, основанных на приб.-фин. **veeras* ‘чужой’ и его продолжениях (В.Л. Васильев, вслед за Экблумом, многие из них выводит из этнонима *варяг* [Васильев 20056], что сомнительно по ряду причин). Эти топонимы мы связываем с этнонимом, имеющим отношение к чуди (как народа, отличного от исторически известных прибалтийских финнов) [Шилов 1999: 41-42]. На востоке же топонимический *гатч*-ареал “покрывает” область бытования термина *вирачи* (видимо, связанным с указанным приб.-фин. аpellятивом), которым обозначают какой-то чужой народ [Попова 1996; МДС: 84-86].

дер. *Малый Хочуж* на Ловати, дер. *Хотчане* (1500 г.) Сабельского погоста Водской пятины (возможна связь с выходцами из дер. *Гачи* того же погоста; тогда напрашивающаяся связь этого названия с рус. *гачи* ‘портки’ становится сомнительной), *Нахотченье* и *Подхотченье* – дер. на р. Тигода, л. пр. Волхова [Васильев 2005а: 101].

Пока же мы ограничимся приведенными в начале статьи названиями. Фонетически они внешне сходны с названиями с основами типа *Поч-/Потч-, Лач-, Кач-/Катч-, Важ-/Вадж-/Ватч-*, которые этимологизируются на основе финно-саамских (по терминологии Е.А. Хелимского – “северо-западных”) реконструкций [Шилов 1997: 14-15; Муллонен 2002: 246-248, 286-289; Хелимский 2006: 45-47]. Но наши названия (точнее – их компонент *гатч*) вовсе не находят опоры в современных прибалтийско-финских и саамском языках. Единственный сколь-либо “подходящий” этимон – кар. *hoášša, hoazia, hoadža*, ливв. *hoad'ž'u*, люд. *huad'ž', hoad'ž'u* ‘прясло (для просушки сена, гороха и т. д.); скирда’ [SKES: 47] топонимически малоактивен (мы нашли лишь людиковское *Huad'ž'analle* [LMK: 49]). Кроме того, его привлечение к истолкованию указанных выше названий не объясняет своеобразную географию их распространения.

С другой стороны, нетрудно заметить, что названия с элементом *гатч* в целом дублируют северную границу ареала древнерусских топонимов с финалью *-гоща/-гощ/-гост* (см. [Шилов 1996: 79-84; Васильев 2005: 123-125] с историей вопроса, а также [Муллонен 2002: 72]). Поэтому логично, на первый взгляд, видеть в этих названиях результат “чуждского” освоения соответствующих древнерусских топонимов. Но этому препятствует тот факт, что первые компоненты рассматриваемых сложных названий не находят объяснения на русской почве (зато легко объяснимы из прибалтийско-финских языков). Кроме того, названия типа *Хачала* содержат приоб.-фин. *l*-овый топоформант (ср. ниже *Ахола*), т.е. возникли на финской (чудской) почве. Наконец, “лесистые острова” *Гатчи* и *Сало* (ср. с кар. *salu* ‘лес, бор’), отмеченные так Н.Я. Озерцовским в 1785 г., в Писцовой книге 1563 г. названы как “пашенные острова” *Городецкий* и *Ондрюсов* [ПКОП: 74-75], т.е. здесь можно видеть противостояние независимых русских и нерусских названий одних и тех же объектов.

Нам кажется, что наиболее логично можно объяснить происхождение рассматриваемых названий следующим образом. Элемент *гатч* и под. отражает термин **hatša*, заимствованный (скорее летописной новгородской чудью, а не каким-либо из ныне существующих прибалтийско-финских народов) из др.-русск. **гоща* ‘подсека, пожога, сведённый лес’ – производного от **гостъ* ‘лес’ [Шилов 1996: 83-86]. Последнее имеет соответствия практически во всех славянских языках [ЭССЯ: 185], которые демонстрируют и соответствующую топонимию (явно из славянского источника заимствовано и др.-прусск **gastā* ‘выжженная земля’ > *gastō* ‘угодье, участок (поля, пашни)’ [Топоров 1979: 169-173; Mažiulis 1988: 329]). Реальность былого существования географического термина **гостъ* и хозяйственного (земледельческого) **гоща* в восточнославянских диалектах доказывается наличием мощного (и очень показательного в историко-географическом отношении) ареала соответствующих топонимов (см. работы, цитируемые в [Шилов 1996: Васильев 2005a]); невозможно сводить весь массив этих названий к йотовым производным от древнерусских личных имен типа *Вогост*, *Доброгост*, как это делает В.Л. Васильев, но об этом – в другом месте). Особенно показательны такие названия как *Загостье*, *Загостка* и *Загоска* (не **Загоскино* от *загоска* ‘кукушка’!), *Загощ*, *Загоща*, *Подгощи*, *Тригоща*, *Новогоща*, *Гоща*. Дополнительным весомым аргументом является бесспорный факт былого существования диалектного (на фоне восточнославянского **гостъ*) кривичского *гвоздь* (ср. старое диал. с.-х. *гвозд* ‘лес’, др.-чеш. *hvozd* ‘лесистые горы’, чеш., слвц. *hvozd* ‘большой густой лес’, др.-польск. *gwozd* ‘лес в гористой местности’ [ЭССЯ: 185]), отразившееся в топонимах типа *Гвозды*, *Гвоздна*, *Загвоздь* с яркой ареальной характеристикой [Шилов 1996: 84; Шилов 2002; Шилов 2005b].

Весьма вероятным видится усвоение термина **hatša* какой-то чудской группой в Приильменье или даже на более южных территориях в период начальной экспансии туда славян (см. о районах ранних славяно-финских контактов в [Шилов 2005: 9]). Позднее термин (и основанные на нем топонимы) распространялся на северо-восток, маркируя путь миграции (вынужденной?) этой финской “чуди” (см. к этому [Герд 1992]); лексические и топонимические

следы особого чудского диалекта, бытовавшего в очерченном выше ареале многочисленны, как показано в работах [Муллонен 1994: 118-121; Муллонен 2002; Шилов 1997; Шилов 1999: 37; Матвеев 2001; 2004].

К северу и северо-западу от западного фланга ареала *gamч*-топонимов располагаются названия, содержащие термин *aho*: фин., кар., ливв., водск. *aho* ‘заросшая травой и кустарником подсека, пожога; молодой лес (на месте подсеки), пастбище, луг’ [SKES: 6; Мамонтова, Муллонен 1991: 20] (кар. твер. *aho* ‘поляна, открытое место в лесу’ – А.Ш.), эст. диал. *ahu* ‘неплодородная почва; сухая земля, холм’ [SKES; Pall 1988].

В значительном количестве (по водской топонимии у автора нет достаточных данных) соответствующие топонимы встречаются на северо-востоке Эстонии [Pall 1988: 266], в Финляндии, в Западном и Северо-Западном Приладожье (*Ахо*, *Ахола* – трижды, *Ахокас* – дважды, *Ахойрви*, *Ахойнконту*, *Ахонмаа*, *Ахонеллотало*, *Ахости*, *Ахоперя*, *Рантахонием* и др. [Nissilä 1975: 73, 111, 131, 266, 268; Балашов 2005: 19, 73, 76]; *Ахоканмяки*, *Ранта-Ахонмяки*) и на северо-западе Карелии – в бассейне Верхней Кеми, к западу от Пяозера, на Топозере (по данным [Мамонтова, Муллонен 1991: 20] и картотеки автора: *Ахола*, *Ахонваара*, *Ахойнен*, *Ахонкошки*, *Ахонлампи*, *Ахोलампи*, *Ахошуари*, *Венахо*, *Вялиахо*, *Каскиахо*, *Тухонахо*, *Хейкинахо*, *Хиетаахо*, *Ховинахо*).

К востоку и юго-востоку от указанных территорий названия данного типа быстро рedeют и исчезают совсем. В Центральной Карелии они нам не известны вовсе. Это явно связано с языковыми факторами (отсутствие термина в ряде собственно карельских²¹ и ливвиковских диалектов; в людиковском и вепсском термин вообще не зафиксирован), а не с природными или хозяйственными, ибо на территориях, где не отмечен термин *aho*, активно используются иные термины подсечно-огневого земледелия (*kaski*, *kases*,

---

²¹ Словарь [KKS: 7], впрочем, дает более широкую географию бытования термина *aho*, нежели то, что мы указываем по топонимическим данным. Безусловно, приведённая нами картина может быть неполной в силу отсутствия у автора данных по микротопонимии ряда районов Карелии. Однако, отсутствие соответствующих макротопонимов в центре и на востоке Карелии при их наличии в значительном количестве на юго- и северо-западе вряд ли случайно.

halmeh, haumez, huuhta, palo, palates и т. д.). Таким образом, карельские названия с элементом *aho* образуют восточную периферию ареала, центр которого находится в Финляндии.

Перейдем к рассмотрению его происхождения. Лексический и топонимический материал, как кажется, подталкивает к выводу о заимствовании термина. И соответствующие версии имеются.

В новом этимологическом словаре финского языка [SSA, s.v. *aho*] приводится версия О. Никкиля, который выводит *aho* из и.-е. (герм.) **as-* ‘гореть, пылать’ (> англ. *ash* ‘зола, пепел’, герм. **asjōn* ‘горн’). Впрочем, сам автор признаёт, что конкретный источник заимствования он указать не может [Nikkilä 1988].

Р. Анттила выдвинул иную версию, опирающуюся не на идею выжигания подсеки, а на идею расчистки, уничтожения леса. Он возводит англ. *ache/ake* ‘болеть’ к и.-е. **ag’-* и пишет: “Ожидаемым балтийским рефлексом **ag’-* было бы **až’-*, и я давно подозреваю, что этот рефлекс может крыться за фин. *aho* ‘поляна, просека’ (обычно бывший пожар). Его предполагаемый источник – не сохранившееся балт. **ažā*” [Анттила 1997: 114-115]. Со своей стороны, в рамках балтийской версии, мы могли бы указать лит. *áugumė*, лтш. *aūdze* ‘молодой лесок на месте вырубок’ [Невская 1972: 318]. Совпадение семантики с приб.-фин. *aho* поразительно, но значительную сложность вызывает рефлексация начального дифтонга.

Надо сказать, что в свое время мы несколько поспешно вывели *aho* из др.-фин. **hatš-* [Шилов 1995] (не в последнюю очередь – из-за ареальной дистрибуции соответствующих топонимов), а это последнее – из др.-рус. **гоща* (см. выше). Первое (реконструкция) вполне допустимо, см. о спорадической утере в финском начального **h-* [Хакулинен 1953: 35]. Фонетически корректно и второе (заимствование). Но эти два звена плохо совместимы в хронологическом отношении. Только весьма ранним временем славяно-финских контактов можно оправдать переход (заимствованного) **hatš-* в *aho* (при том, что раннее заимствование слав. **гоща* должно было, скорее всего, привести к приб.-фин. **kašša*, откуда никак не могло получиться *aho*; менее вероятна рефлексация **гоща* как **atš-*). Пока о славяно-финских контактах ранее V-VI вв. н.э. говорить нет серьёзных оснований. Имеющиеся немногочисленные (из них 2-3 внешне надёжных и 4-5 спорных) лексические соответст-

вия доказательством здесь служить не могут (см. [Шилов 2005а: 7-9] с примерами и литературой, а также [Terent'ev 1990: 30-32]). Есть одна гипотетическая возможность, а именно передача прибалтийским финнам русского термина какой-то чудской группой уже в преобразованной форме [Шилов 2005а, прим. 3], но она требует большого количества допущений, и всерьез её обсуждать преждевременно.

Таким образом, ни одну из выдвинутых на сегодняшний день версий, предполагающих заимствованную природу термина *aho*, нельзя признать достаточно убедительной. С другой стороны, с предположением об исконном (финно-угорском) происхождении термина география соответствующих топонимов вроде бы не согласуется. Однако нельзя полностью сбрасывать со счетов хорошо известное явление консервации языковых реликтов в лексике и топонимии на периферии языкового ареала (что, например, выразительно демонстрирует восточнославянская гидронимия). Какие возможности просматриваются здесь?

Словарь [SKES: 6] под вопросом сопоставляет прибалт.-фин. *aho* с удм. *ožo, odžo* 'луг', коми *ež, eža, iža* 'луговая трава, покос' (эти же данные повторены в [SSA]). Я. Саарикиви отвергает это сопоставление по фонетическим причинам (прапермское слово восстанавливается с начальным гласным переднего ряда). В свою очередь, он сравнивает прафинское *ašo (Л. Хакулинен для *aho* дает праформу **ats-* [Хакулинен 1953: 53]) с коми *adž* 'заливной луг', удм. *až* 'открытое место' (праперм. < *ačo* 'луг'), допуская заимствование пермского слова из праприбалтийско-финского [Saarikivi 2006: 201]. Но ведь потенциально могло иметь место не заимствование, а изначальное родство соответствующих терминов в рамках финно-пермской (финно-угорской?) языковой общности²².

Итак, мы полагаем, что топонимия с элементами *gamč* и *axo* содержит термины подсечно-огневого земледелия с близкой или тождественной семантикой, изначально принадлежавшие различным "финским" группам и восходящие, скорее всего, к разным источ-

---

²² Изначально значение термина в таком случае было, видимо, близким к тому, что дают пермские материалы. Похожий сдвиг семантики мы видим при сравнении морд. *tšuvto, tšufto, šufta* 'дерево' и пр.-фин. *hu(u)hta* 'подсека'.

никам (и в языковом, и в хронологическом отношении). Формирование первого топонимического ареала, судя по всему, связано с миграцией “чуждых” носителей термина. Формирование второго (на стадии его функционирования в прибалтийско-финских языках) определялось как путями освоения прибалтийскими финнами новых территорий, так и конкуренцией в их языках и диалектах семантически близких терминов подсеки (как исконных, так и заимствованных).

ЛИТЕРАТУРА

Анттила 1997 – *Анттила Р.* Недостающие звенья в лексических цепочках: ПереГОНка балто-славянских слов в прибалтийско-финский и их сКОЛки // Балто-славянские исследования 1988-1996. М., 1997. С. 109-127.

АСМ – Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. Л., 1988.

Балашов 2005 – *Балашов Е.А.* Метаморфозы топонимии Карельского перешейка. СПб, 2005.

Васильев 2005а – *Васильев В.Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.

Васильев 2005б – *Васильев В.Л.* Новгородская топонимика в научном наследии Рихарда Экблума (Интерпретация корней *rus-* и *varæg-*) // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб, 2005. С. 300-308.

Герд 1992 – *Герд А.С.* История прибалтийско-финских народов в трудах Д.В.Бубриха в свете проблем теории этногенеза // Д.В.Бубрих. К 100-летию со дня рождения. Сборник статей. СПб, 1992. С. 82-88.

Мамонтова, Муллонен 1991 – *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев 2001 – *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. I. Екатеринбург, 2001.

Матвеев 2004 – *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. II. Екатеринбург, 2004.

МДС – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 (А-И). Екатеринбург, 2004.

Муллонен 1994 – *Муллонен И.И.* Очерки вепсской топонимии. СПб, 1994.

Муллонен 2002 – *Муллонен И.И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Невская 1972 – *Невская Л.Г.* Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972.

Озерецковский 1812 – *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989 (по изданию 1812 г.).

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

Попова 1996 – *Попова Э.Ю.* Отэтнонимические образования в диалектной лексике Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996.

Сп. 1928 – Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 г.). Петрозаводск, 1928.

Топоров 1979 – *Топоров В.Н.* Прусский язык. Т.2. М., 1979.

Хакулинен 1953 – *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч.1. Фонетика и морфология. М., 1953.

Хелимский 2006 – *Хелимский Е.А.* Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. Вып. 3. Екатеринбург, 2006.

Шилов 1995 – *Шилов А.Л.* Гатчина // Русская речь. 1995, № 1. С. 109-112.

Шилов 1996 – *Шилов А.Л.* Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.

Шилов 1997 – *Шилов А.Л.* Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуди // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 3-21.

Шилов 1999 – *Шилов А.Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.

Шилов 2002 – *Шилов А.Л.* Битца и Гвоздянка // Русская речь. 2002, № 6. С. 95-97.

Шилов 2005а – *Шилов А.Л.* Прибалтийско-финская лексика и восточнославянское языкознание // Вопросы языкознания. 2005, №2. С. 7-28.

Шилов 2005б – *Шилов А.Л.* Топонимические свидетельства присутствия летописных славянских племен в Подмосковье (в свете идей О.Н.Трубачева) // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография. III чтения памяти академика О.Н.Трубачева из цикла “Славяне: язык, история” (21-25 октября 2005 г., Москва). Москва, 2005. С. 139-142.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 7. М., 1980.

KKS – *Karjalan kielen sanakirja. Osa 1.* Helsinki, 1968.

LMK – *Elomaa J., Laakso J.* Lyydiläismurteiden käänteissanasto. Helsinki, 1986.

Mažiulis 1988 – *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. I. Vilnius, 1988.

Nikkilä 1988 – *Nikkilä O.* Aho: omaa vai lainattua // *Suomi* 143. Helsinki, 1988. S. 135-140.

Nissilä 1975 – *Nissilä V.* Suomen karjalan nimistö. Joensuu, 1975.

Pall 1988 – *Pall V.* Die Toponimie im Rahmen der Sprachgeographie // *Советское финно-угроведение*. 1988. Т. 24, № 4. С. 263-270.

Saarikivi 2006 – *Saarikivi J.* Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Tartu, 2006.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1. Helsinki, 1955.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. V.1. Helsinki, 1991.

Terent'ev 1990 – *Terent'ev V.A.* Corrections to the “Suomen kielen etymologinen sanakirja” concerning Germanic, Baltic and Slavic loanwords // *Uralo-Indogermanica*. II. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Москва, 1990.

